

И когда седьмой Ангел протрубил, на небе раздались громкие голоса, говорящие: царство мира сделалось царством Господа нашего и Христа Его, и будет Он царствовать во веки веков. И двадцать четыре старца, сидящие перед Богом на тронах своих, пали ниц и воздали славу Богу, говоря: благодарим Тебя, Господи Боже Полновластный, Сущий и Бывший и Грядущий, за то, что принял власть Твою великую и воцарился. И тогда рассвирепели язычники, потому что наступило время гнева Твоего и время судить мёртвых, и наградить малых и великих рабов Твоих, пророков и святых и боящихся имени Твоего, а губивших землю погубить.

— Откровение Иоанна 11:15-18

Apocalypse Now.

И числом как песок морской выйдут они со всех сторон земли и окружают стан святых и город возлюбленный, но ниспадёт на них огонь с неба и пожрёт их, а диавол, прельщавший их, будет ввергнут в озеро огненное и серное, куда прежде были брошены зверь и лжепророк, чтобы мучились там во веки веков. Откровение Иоанна 20: 8-10

Вседозволенность и безнаказанность — причина всякого преступления и умственного заболевания. Причинно-следственная связь, о которой здесь идёт речь, научно установлена и логически обоснована в многочисленных научных публикациях, среди которых выделяются монографии двух авторов: Eugen Bleuler, *Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien* (1911), и Herbert Jäger, *Verbrechen unter totalitärer Herrschaft* (1967). В отличие от здоровой психической организации, для психической патологии характерно нарушение функции сознания, которое есть осознанный контроль и подконтрольность мыслительного процесса и его содержания мыслящему субъекту, в теории психоанализа отождествляемого с инстанцией Я или *ego*, являющейся психическим комплексом, в котором объединены автобиографическая память, волеизъявление, и деятельное участие в определении и достижении жизненных целей. Деятельное участие отличается от пассивного подчинения и следования чужой воле или внутренним импульсам, не поддающихся сознательному контролю, и поэтому превращающих людей в марионеток и зомби, лишённых собственной воли. Иллюзия осознанности в случаях её отсутствия приводит к тому, что марионетки и зомби

совершают логические ошибки и творят произвол, будучи уверены в нормальности и правильности их помыслов и деяний, в то время как в действительности они лишены возможности их контролировать или же исправлять по причине болезненности их психической организации, а именно, неразвитости инстанции Я, не достигающей зрелого состояния. 3 фазы психогенетического развития — идентификация, персонификация, и индивидуализация, — соответствуют 3-м основным философским вопросам, которые люди испокон веков задают себе: Откуда я пришёл? Кто я? Куда я иду (Кем я хочу стать?) При отсутствии достойных примеров для подражания во второй фазе психического развития его развитие останавливается и стагнирует, а следование дурным примерам в обстановке неопределённости, вседозволенности, и безнаказанности превращает людей в психопатов, одни из них которых мнят себя всезнающими и всеильными командирами, а другие — их верными и сознательными сторонниками и последователями, что соответствует уровню организации первобытного человеческого стада. Иллюзия внутреннего благополучия всех этих людей скрывает от них реальность, которую они не могут и боятся осознать, а именно, дефекты их ума и их внутреннюю несвободу.

Способность сознавать и контролировать свои внутренние психические состояния, что позволяет также понимать подобные состояния других людей, сочувствовать и сопереживать им, называется метакогнитивной способностью или самосознанием. Однако не все люди в одинаковой мере наделены этой способностью. Самым главным эволюционным достижением людей, отличающих их от прочих живых существ, является сознание, в том числе способность самосознания, а их прогрессивная

реализация как биологического вида возможна лишь при поддержании и развитии этой способности. История 20-го и начала нынешнего века наглядно демонстрирует, к чему приводит пренебрежение необходимостью умственного развития и самосовершенствования: результатом этого пренебрежения является умственная и психическая деградация, а следствием — войны, общественный развал, и культурный упадок.

Одним из самых негативных последствий культурного упадка, наступившего в начале 21-го века, является отсутствие деятелей и творцов культуры, и вследствие этого, отсутствие культурных достижений, достойных прежнего времени. Несомненным везением моего школьного времени было обилие и доступность современной, т.е. адекватной своему времени литературы, кинематографии, техники, отличающихся осмысленностью и превосходным качеством их лучших образцов, что объясняется творческой способностью их создателей. За примерами далеко ходить не нужно, они общеизвестны. В этом культурном взлёте, культурные достижения 19-го века были усвоены и творчески переработаны, а не просто перефразированы, как происходит сейчас, чтобы создать поистине новую, т.е. небывалую прежде культуру. Сегодняшним деятелям, подвизающимся на поприще культурного производства, не достаёт ума для подобного творчества. Всё, что они создали, за редким исключением, никуда не годно, и совершенно непотребно для зрения и слуха, а самое главное — для будущего. Халтура, наводнившая книжные магазины, библиотеки, кинотеатры, и вездесущий интернет, вытеснила даже то, что осталось нам от прошлого. В этом всемирном потоке потонул смысл эволюционного развития людей,

а человеческая культура оказалась погребённой водными массами, исчезнув с поверхности земли, подобно тому, как Помпеи, Геркуланум, Оплонтис были погребены вулканическим пеплом.

Этот культурный упадок опасен своими последствиями, которые неизбежно наступят, если не принять неотложные меры для их предотвращения. Из детей, усвоивших культурный хаос как данность и нормальность, вырастут дикари и психопаты, что впоследствии усугубит сегодняшние негативные тенденции. Уже сегодня умственно неполноценные и психически ненормальные люди, сформировавшиеся в условиях вседозволенности и безнаказанности, подрывают основы права и общественного порядка, что хотя и очевидно, но недоступно пониманию породивших их демократических масс, блуждающих во тьме их собственных предрассудков и иллюзий, и ничему не научившихся из истории 20-го века. Между тем, произрастающие на этом невежестве варвары делают своё дело, и если их не остановить сейчас и немедленно, дав им **решительный отпор самым жёстким образом**, то человечество погрузится в такой мрак, какого ещё не бывало в его истории, симптомом и предвестником чего является нынешняя война в Европе.

Есть другой вид гордости, ещё сильнееший первого, — гордость ума. Никогда ещё не возрастала она до такой силы, как в девятнадцатом веке. Она слышится в самой боязни каждого прослыть дураком. Всё вынесет человек века: вынесет названье плута, подлеца; какое хочешь дай ему названье, он снесёт его — и только не снесёт названье дурака. Над всем он позволит посмеяться — и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум его для него — святыня. Из-за малейшей насмешки над умом своим он готов сию же минуту поставить своего брата на благородное расстояние и посадить, не дрогнувши, ему пулю в лоб. Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой. Чего не видит его ум, того для него нет. Он позабыл даже, что ум идёт вперёд, когда идут вперёд все нравственные силы в человеке, и стоит без движенья и даже идёт назад, когда не возвышаются нравственные силы. Он позабыл и то, что нет всех сторон ума ни в одном человеке; что другой человек может видеть именно ту сторону вещи, которую он не может видеть, и, стало быть, знать того, чего он не может знать. Не верит он этому, и всё, чего не видит он сам, то для него ложь. И тень христианского смиренья не может к нему прикоснуться из-за гордыни ума. Во всём он усумнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в Боге усумнится, но не усумнится в своём уме. ... Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердце людей повсюду. Н.В. Гоголь. Светлое Воскресенье. Выбранные места из переписки с друзьями, 1846 г.

Рецензия на книгу «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова.

Возможность освобождения от власти или плена предрассудков и невежества: ведь об этом идёт речь в Новом завете, о том, что век нынешний и мир видимый — преходящи и иллюзорны, в отличие от вечного и вселенского царства Бога и грядущего царства Его сына Иисуса Христа на Земле.

Роман Мастер и Маргарита Михаила Булгакова целиком и полностью повествует о веке нынешнем, о беспросветном царстве Сатаны над людьми, поэтому в нём люди воскресают не к жизни, а к смерти в аду с вечным проклятием их погибших душ. В этом земном царстве нет света истины, а его господин верит в свою богоподобность, говоря о себе: Я часть злого намерения, из которого происходит добро – „(Ich bin) Ein Teil von jener Kraft, Die stets das Böse will und stets das Gute schafft.“ Однако между злом и добром не может быть компромиссов: добро человечно, зло бесчеловечно; добро благонамеренно, зло злонамеренно; добро правдиво, зло лживо; добро благородно, зло безродно; добро прекрасно, зло безобразно; добро гармонично, зло хаотично и т.д. Соответственно, зло и добро нигде не пересекаются и не соприкасаются, поскольку они взаимно исключают друг друга. Нет света во тьме, как нет тьмы в свете: утверждать иное есть очевидное заблуждение. Однако, „я верую, поскольку абсурдно“ и вопреки разуму: Credo quia absurdum [est], (Tertullian). Изъиди сатана с русской земли! В книге: [Exorcism](#) (2011–2020)

Aus fixen Ideen entstehen die Verbrechen.*

Персонификация — это фиксация на роли, которую человек начинает играть в определённых жизненных обстоятельствах и верить в тождество роли, т.е. создаваемого им поведенческого образа, с его природной сущностью, будь то биологической или психической, при этом нисколько не сомневаясь в иллюзорности и ложности такого представления. Когда люди застревают в фазе персонификации, а это случается со многими, это чревато для них потерей возможности интерпретации картины мира, в том числе образа себя, создаваемого ими в их воображении, в результате чего они уже не способны к дальнейшему развитию и выходу за рамки этой картины. Они как бы обрекают себя на жизнь внутри квадрата, ограничивая себя двумя измерениями и пренебрегая третьим. Для детей такая ограниченность сознания и восприятия прощительна, однако пребывание в этом состоянии в дальнейшем означает патологию развития, приводящую к инвалидности.

Психологическая наука прежде, т.е. до написания и публикации моей книги Метаанализ психоанализа, была неспособна выявить различие между тремя фазами психического развития, и поэтому прежде определение психического здоровья и нездоровья не имело той ясности, которую оно приобрело с пониманием этого различия. В частности, прояснилась природа патологических психических состояний, и связь между психической регрессией и шизофренией. В отсутствии постоянного упражнения ума и способности психической саморегуляции, люди, избегающие умственного и психического напряжения или же подвергшиеся чрезмерной нагрузке, деградируют и становятся

слабоумными, а редукция их психических функций и упрощение их психической организации приводит к потере связи с реальностью, т.е. к аутизму, что является первым симптомом шизофрении. Фиксация на той или иной поведенческой роли или идее в отсутствии желания и возможности умственного и психического развития становится их участью, а косность и непрерывное состояние ступора — проявлением болезни. Национальный, религиозный, и прочий фанатизм произрастает на фоне психической инвалидности множества людей, утративших способность психической саморегуляции. **

* Max Stirner. Der Einzige und sein Eigenthum. Verlag von Otto Wigand, Leipzig, 1845.

** Да, мои добрые читатели, вам бы не хотелось видеть обнаруженную человеческую бедность. Зачем, говорите вы, к чему это? Разве мы не знаем сами, что есть много презренного и глупого в жизни? И без того случается нам часто видеть то, что вовсе не утешительно. Лучше же представляйте нам прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы! «Зачем ты, брат, говоришь мне, что дела в хозяйстве идут скверно? — говорит помещик приказчику. — Я, брат, это знаю без тебя, да у тебя речей разве нет других, что ли? Ты дай мне позабыть это, не знать этого, я тогда [буду] счастлив». И вот те деньги, которые бы поправили сколько-нибудь дело, идут на разные средства для приведения себя в забвенье. Спит ум, может быть обретший бы внезапный родник великих средств; а там имение бух с аукциона, и пошёл помещик забываться по миру с душою, от крайности готовую на низости, которых бы сам ужаснулся прежде. Ещё падёт обвинение на автора со стороны так называемых

патриотов, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накаплиют себе капиталы, устраивая судьбу свою на счёт других; но как только случится что-нибудь, по мнению их, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда, они выбегут со всех углов, как пауки, увидевшие, что запуталась в паутину муха, и подымут вдруг клики: «Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом? Ведь это всё, что ни описано здесь, это всё наше — хорошо ли это? А что скажут иностранцы? Разве весело слышать дурное мнение о себе. Думают, разве это не больно? Думают, разве мы не патриоты?» Да такие мудрые замечания, особенно насчёт мнения иностранцев, признаюсь, ничего нельзя прибрать в ответ. ...

Так проводили жизнь два обитателя мирного уголка, которые нежданно, как из окошка, выглянули в конце нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвечать скромно на обвинение со стороны некоторых горячих патриотов, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философией или приращениями на счёт сумм нежно любимого ими отечества, думающих не о том, чтобы не делать дурного, а о том, чтобы только не говорили, что они делают дурное. Но нет, не патриотизм и не первое чувство суть причины обвинений, другое скрывается под ними. К чему таить слово? Кто же, как не автор, должен сказать святую правду? Н.В. Гоголь. Мёртвые души. 1842 г.

Авторская исповедь Н.В. Гоголя.

Я хотел пасть к ногам его и почтить его, но он сказал мне: не делай этого, ведь я служу тебе и братьям твоим, свидетельствующим о Иисусе, а поклоняйся Богу, потому что свидетельство Иисуса — это дух пророчества. Откровение Иоанна 19:10

Проще всего перенимать увиденные образцы, нисколько не задумываясь об их нужности и полезности. Думать же об этом необходимо, чтобы вместе с образцами не перенимать ошибки их изобретателей. Бездумное заимствование отучает от самостоятельного мышления и усыпляет бдительность расчёта, о котором сказано в поговорке: семь раз отмерь, один раз отрежь.

Надобность измерения и расчёта, проиллюстрированное здесь на примере портняжного дела, применимо ко всякому делу, предваряемом размышлением и рассуждением, и оформляемом в слове. Но прежде чем что-то сказать, следует помнить о том, что слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Н.В. Гоголь в рассуждении о слове напоминал: „Пушкин, когда прочитал следующие стихи из оды Державина к Храповицкому:

За слова меня пусть гложет,
За дела сатирик чтит, —

сказал так: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела». Пушкин прав. Поэт на поприще слова должен быть так же безукоризнен,

как и всякий другой на своём поприще. Если писатель станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности, или необдуманности, или поспешной торопливости его слова, тогда и всякий несправедливый судья может оправдаться в том, что брал взятки и торговал правосудием, складывая вину на свои тесные обстоятельства, на жену, на большое семейство, словом — мало ли на что можно сослаться.“

С тех пор, когда были высказаны эти мысли, на Руси многое менялось, но не поменялась та невоздержанность, с которой произносятся слова и делаются дела, так что почти через 200 лет всё вернулось на круги своя, о чём красноречиво писал Н.В. Гоголь: „Уже крики на бесчинства, неправды и взятки — не просто негодование благородных на бесчестных, но вопль всей земли [русской], слышавшей, что чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжёлое ярмо на каждого человека; уже и те, которые приняли добровольно к себе в дома этих страшных врагов душевных, хотят от них освободиться сами, и не знают, как это сделать, и всё сливается в один потрясающий вопль, [от которого] уже и бесчувственные подвигаются.“

Однако подвижение это совершается в том же ключе невоздержанности, о которой здесь идёт речь. Прежде чем делать, надобно думать, а думать никто не хочет, потому что не умеет. Это неумение — явный порок людей, мнящих себя образованными, просвещёнными, сознательными, умными. Их самомнение расходится с реальностью, в которой их безумие они принимают за ум, а их враньё — за истину. В дурных головах всё настолько перемешалось, что уже и Н.В. Гоголь поставлен на службу в

том качестве, в котором он никогда не служил и не предполагал этого делать. Непонимание смысла, т.е. истоков и целей его службы, его современниками вынудило его на отчаянные попытки объясниться и поправить это непонимание, а его исповеди, опубликованные уже после его смерти, стали завещанием потомкам, которые, впрочем, отнюдь не проявили себя в качестве благодарных. Это неприятие духовного наследия, проявляющееся в отрицании самых основ культуры, превратило людей в озлобленных зверей, принимающих своё озверение за подвиги во славу их отечеств: российских, украинских, казахских, армянских и прочих. Все эти звери, обитающие на просторах бывшего Отечества, не заметили его исчезновения, обманываясь его экранными и плакатными фантомами, которые они воспроизводят по образцу и подобию прежних, нисколько не задумываясь о разнице между тогда и теперь. Насмотревшись советских телепередач, они возомнили себя капицами, андрониковыми, громыками, винокурами, левитанами, однако ими не стали, и не могли стать по скудости их ума, а их непрерывная трескотня перед телекамерами и микрофонами представляет собой документальный репортаж из дома сумасшедших. Договорились они до того, что мнят себя былинными героями из виденных и читанных ими русских народных сказок, и в таком одеянии они приходят на выборы покойника, которого теперь разыгрывает проходимец, из их числа.

Поскольку они настолько вжились в играемые ими роли в их театре абсурда, исправить их общее помешательство уже не представляется возможным никаким другим способом, кроме как **разрушением его декораций** для приведения их в чувство. Лишь оказавшись на пепелище разрушенного ими Отечества, они может быть осознают смысл слов Н.В.

Гоголя, сказанных им на его смертном одре: „Брожение внутри не исправить никаким конституциям. Общество образуется само собою, общество слагается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою. Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придёт в порядок и земное гражданство. Служить же теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом **небесном государстве**, главой которого уже Сам Христос ...“

Упреждающий смех.

Ведь, обыкновенно, как говорит всякий из нашей братии своим подчинённым? — Свысока говорит: «Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долг относительно бога, государя, отечества», а ты, мол, уж там себе разумеи относительно чего. Впрочем, это так только в провинциях водится; в столицах этого не бывает, не правда ли? Тут если и явится у кого-нибудь в три года два дома, так ведь это отчего? Всё от честности, не так ли?

Автор пьесы (выходя). Я услышал более, чем предполагал. Какая пёстрая куча толков! Счастье комику, который родился среди нации, где общество ещё не слилось в одну недвижимую массу, где оно не облеклось одной корой старого предрассудка, заключающего мысли всех в одну и ту же форму и мерку, где что человек, то и мнение, где всякий сам создатель своего характера. Какое разнообразие в этих мнениях, и как везде блеснул этот твёрдый, ясный русский ум! ...

Да, я удовлетворён. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во всё продолжение её. Это честное, благородное лицо был — смех. Он был благороден, потому что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое даётся ему в свете. Он был благороден, потому что решился выступить, несмотря на то, что доставил обидное прозвание комику, — прозвание холодного эгоиста, и заставил даже усомниться в присутствии нежных движений души его. Никто не вступился за этот смех. Я комик, я служил ему честно, и потому должен стать его заступником. Нет, смех значительней и глубже, чем думают, — не тот смех, который порождается

временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также лёгкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей; — но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека, — излетает из неё потому, что на дне её заключён вечно-бьющий родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугали бы так человека. Презренное и ничтожное, мимо которого он равнодушно проходит всякий день, не возросло бы пред ним в такой страшной, почти карикатурной силе, и он не вскрикнул бы, содрогаясь: «неужели есть такие люди», тогда как, по собственному сознанию его, бывают хуже люди. ... Несправедливы те, которые говорят, что смех не действует на тех, против которых устремлён, и что плут первый посмеётся над плутом, выведенным на сцену: плут-потомок посмеётся, но плут-современник не в силах посмеяться. Он слышит, что уже у всех остался неотразимый образ, что одного низкого движенья с его стороны достаточно, чтобы этот образ пошёл ему в вечное прозвище; а насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете. Нет, несправедливы те, которые говорят, будто возмущает смех. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. ...

Нет, засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко-добрая душа. ...

Мир — как водоворот: движутся в нём вечно мненья и толки, но всё перемалывает время: как шелуха, слетают ложные, и, как твёрдые зёрна, остаются недвижимые истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооружённое строгим значеньем. В глубине холодного смеха могут отыскаться и горячие искры вечной могучей любви. И, почему знать, может быть, будет признано потом всеми, что в силу тех же законов,

почему гордый и сильный человек является ничтожным и слабым в несчастье, а слабый возрастает, как исполин, среди бед, — в силу тех же самых законов, кто льёт часто душевные, глубокие слёзы, тот, кажется, более всех смеётся на свете!.. Н.В. Гоголь. Театральный разъезд после представления новой комедии. 1842 г.

Смейтесь над собой прежде, чем другие посмеются над вами.

1 апреля (20 марта по григорианскому календарю) 1809 года родился Николай Васильевич Гоголь.

Русское небо.

И увидел я великолепный белый трон и Восседающего на нём, а прежние небо и земля исчезли и я не видел их на прежнем месте. И увидел я мёртвых, малых и великих, стоящих перед Богом, и перед Ангелами Его раскрытые книги, и также книга жизни была раскрыта; и судимы были мёртвые по написанному в книгах о делах их. Откровение Иоанна 20:11-12

Оторвавши взгляд от грешной земли русской, посмотрим на небо, но не на то небо, которое видно невооружённым глазом или через линзы и зеркала телескопов, и о котором рассказывают нам астрономы и звездочёты, а на небо, которое видно одному лишь русскому уму. Там, за облаками, светит солнце на русском небосводе: это солнце — Иисус Христос. Его непреходящим светом освещается и просвещается русская земля, как писал Н.В. Гоголь: „Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь.“ Но кто же сам Н.В. Гоголь? Он — одно из созвездий на русском небе, высветленный светом Иисуса Христа праведник. Должность Н.В. Гоголя была: учитель русского языка по известному принципу, „научился сам — научи другого“, а подвигнул его на эту должность А.С. Пушкин, о чём его ученик откровенно пишет, и добавляет, что для христианина нет окончания учения. Только дураки бывают законченными.

А.С. Пушкин — другое яркое созвездие на русском небе, светом которого озарился ум многих русских людей. Русская вселенная являет собой нескончаемую россыпь самоцветов, и куда ни глянь — отовсюду льётся их разноцветный и непреходящий свет. Это разнообразие цветов, освещающих русскую душу, сообщает свойственное ей разнообразие, и этим она отличается от прочих культур и народов. То, что для русского ума очевидно, другим невидимо, и чем более невидимо, тем более непонимаемо ими. Лишь приобщением к русской культуре могут они преодолеть свою слепоту и своё непонимание и выйти из темноты их национальных квартир. Во все те времена, когда другие народы проявляли интерес к русской культуре и когда её свет переливался к ним, было их развитие, а когда это сообщение прекращалось, их развитие обращалось вспять и начиналось мракобесие. Не этим ли объясняется нынешнее упадочное состояние умов, пришедших к этому упадку вследствие отдаления от русской культуры? Это их нынешнее состояние точно определено Н.В. Гоголем: „Односторонние люди и притом фанатики — язва для общества, беда той земле и государству, где в руках таких людей очутится какая-либо власть. У них нет никакого смиренья христианского и сомненья в себе; они уверены, что весь свет врёт и одни они только говорят правду.“ Виня русскую культуру в нынешней войне, обвинители забывают, как долго и упорно они пытались перекрыть себе и другим доступ к живительному и спасительному свету и голосу русской культуры, распространив их губительное влияние даже на многих русских людей, отчего произошло смятение в их умах. Дух стяжательства, охвативший их и затмивший истину для их ума, — это на самом деле самое глубокое дно, на которое может спуститься человек, а достигая этого дна он уже прекращает своё человеческое существование,

становясь пискарём или червяком. Но для человека невозможно жить на дне и блуждать во тьме с закрытыми глазами, также как всякая тень, брошенная на свет, не может затмевать его долго. Именно сейчас, во дни солнечного затмения, грядёт его победа, когда непреходящий свет высветлит то помрачение, которым наполнились души многих людей. Открыв глаза и оглядевшись, увидят они, как долго они находились в неведении о сокровищах русской культуры, как долго они были отстранены от её света.

Шёл я к высокому небу не зря,
Спал, укрываясь большими снегами,
Но зато я узнал, что такое заря --
Там, за облаками ...

Русская культура с самого её начала уже была устремлена к непостигаемым для других народов высотам, и поэтому во все времена звучал в ней голос с неба, говорящий: это скиния Бога с людьми, где Он будет жить с ними; они будут Его народом, а Он будет их Богом. К этой гармонии стремилась она, и хотя теперь многие из русских людей заблудились во тьме невежества и неверия, но стоит лишь заблудшим обратить взоры к новому небу, звёзды русской культуры укажут им верный путь к истине и к праведной жизни, а за ними непременно пойдут и другие народы.

Сон разума.

История подобна ревизской сказке, в ней умершие числятся как живые, наглядным примером чего является Российская империя, якобы существовавшая с 1721 года по 1917 год. Для доказательства её существования приводятся географические карты, цитируются книги и биографии, показываются исторические портреты, иллюстрации, фотографии, чтобы её образ возник перед глазами зрителя также живо, как все эти предметы, посредством которых производится доказательство. Однако чем же являются все эти предметы? Ведь будучи собраны вместе в музеях и библиотеках они имеют какой-либо смысл только по мере того, как они наделяются смыслом теми, кто их создавал, сохранял, описывал, осматривал, а в реальности представляют собой камень, дерево, ткань, бумагу, и другие материалы, сложенные вместе для определённых целей. Также как производятся и составляются предметы, так же производятся и составляются понятия о них, поэтому ничего из созданного людьми не существует в отрыве от их намерений, желаний, представлений, короче говоря, в отрыве от их субъектного пространства, в котором вся из деятельность обретает для них смысл. Именно для них, поскольку для кого-то другого, чья смысловая организация совершенно или отчасти иная, всё видится совсем или отчасти иначе. Непонимание этой разницы имеет тяжёлые последствия для всех людей, поскольку многие из них пытаются навязать другим то, что представляется им безальтернативным и реально существующим, хотя каждый человек должен задумываться о том, что существует вне его головы, и что только в его голове. Возвращаясь к Российской империи после сделанного отступления, необходимо признать её существование исключительно в

головах её создателей, подданных, и летописцев, что объясняет её внезапное исчезновение в 1917-м году, как писал Василий Розанов: „Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже «Новое Время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И, собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «Великого переселения народов». Там была — эпоха, «два или три века». Здесь — три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего.“ Не поразмыслив толком о причинах исчезновения их государства, русский народ повторно наступил на грабли через 70 лет, и сейчас опять идёт к тому же исходу, рискуя получить в очередной раз удар по лбу.

Тяжесть психического расстройства измеряется степенью утраты связи с реальностью и изоляцией субъектного пространства от окружающего субъекта мира, иначе называемой аутизмом. А неспособность осознать своё болезненное состояние приводит к невозможности поступать рационально и разумно, к внутренней несвободе и скованности как мышления, так и поведения, не только называемом так, но и реально являющимся кататоническим. Кататония является внешним выражением или симптомом шизофрении, которая в свою очередь представляет собой процесс психического распада и телесной [дисфункциональности](#), заканчивающихся смертью.

К этому состоянию невменяемости и недееспособности люди приходят не сразу, а постепенно, и когда вокруг них начинается хаос и война всех со всеми, они склонны искать причины беспорядка в других, а не в своих

головах, отрицая собственную вину, о чём писал Н.В. Гоголь в Мёртвых душах: „И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребёнок. Какие искривлённые, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги! Всех других путей шире и роскошнее он, озарённый солнцем и освещённый всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди. И сколько раз уже наведённые нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога? Видит теперь всё ясно текущее поколение, дивится заблужденьям, смеётся над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнём исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отвсюду устремлён пронзительный перст на него же, на него, на текущее поколение; но смеётся текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых [страшных] заблуждений, над которыми может быть посмеются [и которым быть может ужаснутся когда-нибудь] потомки.“

Как же случилось, что соотечественники автора этих строк не вняли его пророчеству, ничему не научились, и начали ряд новых страшных заблуждений, которым они теперь ужасаются?

Страх тьмы.

В детстве я переболел страхом чёрных дыр. Случилось это так: прослышав про чёрные дыры, и ещё ничего о них не зная, я очень испугался, представляя себе, как чёрные дыры поглотят все звёзды, а потом друг друга, так что в конце концов уже ничего не останется, кроме одной большой чёрной дыры. Все дети чувствуют себя в темноте в опасности, и все они радуются свету. Чувство это врождённое, называемое фототропизмом. Свет является первым сильным жизненным впечатлением большинства живых существ, будь то растения или животные, а тьма напоминает им о небытии, поэтому многие из них её страшатся. Сон, как состояние временного забвения, помогает им преодолеть страх ночи: засыпая на закате солнца и просыпаясь на рассвете, они как бы забывают о существовании тьмы. Культ солнца и огня в человеческой культуре — очевидное следствие фобии — страха смерти, и этим же объясняется тяга людей к знанию. С рождения и пробуждения, с выхода из темноты к свету, начинается всякое познание и сознание собственного существования.

Положительные и отрицательные поведенческие реакции на свет и его отсутствие соответствуют ассоциативно-разделяющей структуре языка, в котором группы родственных понятий противопоставляются друг другу, например, мрак, омрачение, [помрачение](#), чернь и им подобные ассоциированы с тьмой, а просвещение, просветление, озарение, открытие и другие — со светом. Эти же смысловые ряды присутствуют в Новом завете: Свет – истина – день противопоставляются тьме – лжи – ночи. Слово — это свет истины, а Бог — это чистый свет, в котором нет

тьмы, т.е. никакой лжи и заблуждения. Иисус Христос говорит о себе: Пока Я в мире, Я свет миру; кто последует за Мной, тот не будет ходить во тьме, а будет иметь свет жизни. В конце же всех времён Новый Иерусалим не будет нуждаться ни в солнце, ни в луне для освещения своего, потому что слава Божия осветит его, и светильником его будет Агнец. Спасённые народы будут ходить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираются днём, а ночи там не будет.

Откровение.

Бытующим ныне содержанием понятия ἀποκάλυψις стали представления о катастрофах и о конце света, хотя его буквальное значение совсем другое. Объяснение этому недоразумению дал автор монографии о шизофрении. Погружение в состояние замкнутости и отрешённости при аутизме и психической регрессии являются тенденциями, обратными просвещению и рождению. Для этих патологических состояний психики характерно нарушение фототропических реакций, начиная от аномального восприятия света, и заканчивая аномальной интерпретацией видимого содержания. Больные могут продолжительное время неотрывно смотреть на солнце или на пламя, рискуя повредить органы зрения, или же пребывать в бодрствующем состоянии с закрытыми глазами. Их взор часто застилает мгла, они видят всё как в тумане, или не видят ничего. Часами пялиться в смартфоны, в телевизоры, или в компьютеры представляет собой такую же поведенческую аномалию, как в вышеупомянутых случаях, и подобное аномальное поведение, нынче ставшее массовым, либо способствует развитию шизофрении, либо является её диагностическим признаком (симптомом).

Именно этим болезненным извращением восприятия объясняется путаница в головах людей, не способных различать между светом истины и ночью лжи, в которой они блуждают, не будучи в состоянии пробудиться и избавиться от мучающих их кошмарных снов. Лишь через осознание своего бредового состояния станет возможно для них избавление от бреда и обретение способности психической саморегуляции, а вместе с ней — вменяемости, дееспособности, и правоспособности.

Спасайся, кто может, спасая другого.

Психическая регрессия — это возврат к ранним фазам психического развития, а именно, к невменяемому и бессознательному состоянию младенцев, паразитирующих на теле матери. Поскольку речь идёт не о превращении во младенцев, а о процессе упрощения психических функций, то поведение людей в состоянии психической регрессии приобретает патологический характер, что проявляется в автоматизме их поступков и реакций, в бегстве от реальности в мир фантазий и магического мышления, в ритуалах повседневной жизни, становящихся бездумной и безумной рутинной, наконец, в явно паразитическом существовании, которое рационализируется ими как полезное и нужное другим людям, вплоть до того, что паразиты начинают мнить себя благодетелями и спасителями человечества, как это случается со многими религиозными фанатиками, царями, президентами, министрами, академиками и прочими представителями самозванных элит. Веря в свою исключительность и богоизбранность, паразиты активно и нахально требуют для себя высокого общественного статуса для оправдания свойственной им патологии и внушения окружающим мысли об их уникальной роли в обществе, что конечно же не соответствует действительности. Язык паразитов отличается напыщенностью и изобретательностью, примерами чего являются громкие названия их собраний: Совет Безопасности Российской Федерации, Высший Церковный Совет, и т.д., их речи и тексты они называют наказами, проповедями, наставлениями, законами, а себя они именуют иерархами, патриархами, святейшествами, высокопреосвященствами, всечестными отцами, сенаторами и т.п., приписывая себе особую духовность, сакральность,

непогрешимость, при этом призывая к войне, братоубийству, и насилию, в том числе над детьми. Сам процесс психической регрессии, сопровождающийся их умственной и нравственной деградацией, они окрестили элитогенезом, хотя в научной терминологии он известен как злокачественное перерождение психики, заканчивающееся духовной смертью личности, о чём повествуют Мёртвые души Н.В. Гоголя. Причины, по которым ему не удалось развить и завершить начатый им литературный труд, объясняет сам автор, а именно, незрелость имевшихся к тому времени психологических представлений, а также неясность будущих форм общественной жизни людей. Хотя Н.В. Гоголю не удалось осуществить задуманное, однако из сохранившихся фрагментов второго тома Мёртвых душ возможно сделать вывод о направлении его мыслей. В частности, рассуждая об основах политического устройства, он подвергал сомнению правильность традиционных отношений: „Всемирно жить на счёт казны, сделать себе доходные места из службы, государство обратить в богадельню, долженствующую их всех кормить. Это устремление всех в ряды чиновников и правителей. Рассмотрим же, кто же тогда останется в рядах управляемых, и станет ли средств, сил управляемым содержать громаду своих управляющих?“

Остаётся сожалеть, что этот вопрос затерялся где-то в рукописях, и не был возведён на должную высоту и поставлен на пьедестал как памятник на всеобщее обозрение. Если бы это произошло тогда, то может быть люди, глядя на этот памятник, поостереглись бы идти в ряды чиновников и правителей, и превращать государства в прибежища психической патологии и тоталитаризма всяческих мастей, где сама государственная служба совращает людей с истинного пути вопреки новозаветному

наставлению: Входите тесными вратами: ведь широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; и тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

Другая важная мысль Н.В. Гоголя ассоциативно связана с первой: „Что значит, однако же, что и в паденье своём гибнущий грязный человек требует любви к себе? Животный ли инстинкт это? или слабый крик души, заглушённый тяжёлым гнётом подлых страстей, ещё пробивающийся сквозь деревенеющую кору мерзостей, ещё вопиющий: «Брат, спаси!»“ Как будто иллюстрацией к этой мысли служит эпизод в конце фильма *Saboteur* (Alfred Hitchcock, 1942), когда герой фильма, ложно обвинённый и преследуемый за дела, совершённые злоумышленником, в момент смертельной опасности для второго пытается спасти ему жизнь, рискуя своей.

Подобное проявление общности людей свидетельствует об их генетической связи, которая ослабляется государствами, разделяющими людей на нации и сословия управляющих и управляемых, что однако чуждо природе людей и отчуждается ими всякий раз, когда это

разделение становится тоталитарным и нестерпимым для них. Именно этим обстоятельством объясняются многие исторические события от начала христианского летоисчисления и до наших дней, когда смысл их прояснился для современников до предельной ясности благодаря психоанализу.

Der Spruch des Nietzscheismus „Got ist tot“ ist charakteristische Erscheinung von Ödipus-Komplex. Im Weiteren ist zu bemerken, daß jegliches Patriarchat oder Matriarchat nur bis zur Volljährigkeit zulässig ist, weswegen Könige, Präsidenten, Premierminister, Gouverneure, Päpste, und übrige Vater- und Muttergestalten völlig überflüssig sind, weil sie als Götzen in Erscheinung treten und immer ein Symptom der geistigen Unreife ihrer Darsteller und Verehrer ist.

День Господа.

Как может быть поняли читатели, до сих пор написанные главы моего апокалипсиса или по-русски откровения призваны не продолжить, а закончить Библейскую историю. Когда писалось Откровение Иоанна, оно писалось для потомков, а я пишу для современников, потому что время исполнения Библейских пророчеств пришло. Не замечают этого только слепые — слепые не глазами, а умом. В Первом послании к Коринфянам Апостол Павел писал: Сейчас мы видим грядущее как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, а когда оно наступит, всё станет ясно как Божий день. Сегодня всё то, что прежде виделось как бы сквозь тусклое стекло, стало ясно как Божий день.

В свете этого дня персонажи Мёртвых душ являют собой картинную галерею различной степени психической или душевной деградации, и мёртвыми душами являются не крепостные, а их собственники, поскольку никакого крепостного права не может быть в принципе, а если оно и бывает вопреки принципу, то оно недействительно. Второй вывод, следующий из первого: Мёртвые не могут распоряжаться живыми, потому что права являются прерогативой живых. Как тьма не властна над светом, так невластна смерть над жизнью. Согласно библейскому толкованию, души не умирают, а возвращаются к Творцу, который их судит по делам земным, после чего праведникам воздаётся за их праведность, а грешникам — за их грехи, в соответствии с чем первые становятся обитателями небесного царства, а вторые — пленниками ада. Христианская космология — **вполне научная**, в ней ад представлен как средоточие тьмы, озаряемой подземным светом — пламенем пожара

(„Ведь если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?“), он символ устремлённости к нулю, к небытию, к ничтожеству и к уничтожению, в противоположность небу — символу любви, бесконечности и вечности („Ведь Бог — Бог живых, а не мёртвых“, „Бог — это любовь“).

Если души бессмертны, то как случается их гибель? Очевидно, люди губят свои души сами пороками, они самоубийцы своих душ. А самоубийство — это действие, противоположное творению, потому что оно направлено на его уничтожение, причём если человек нацелен на уничтожение, то это вовсе и не цель, а её галлюцинация и мираж, поскольку такая „цель“ противоречит жизненности, она античеловечна и антижизненна. Если Бога нет, то всё дозволено для человека, в том числе и самоубийство как высшее проявление его свободы, понимаемой как отсутствие обязанностей перед Богом, что однако является не освобождением, а свободой творить произвол без необходимости какого-либо оправдания перед кем бы то ни было. Отрицание Бога, понимаемого как Высший порядок, приводит к отрицанию порядка. Однако ни человек, ни человеческое общество невозможны без порядка, и без него они неизбежно разрушаются. Отрицанием Бога и Божественного порядка объясняется деструктивность помыслов и деяний большинства моих современников, которые бездумно и безбоязненно разрушают себя и естественный порядок вокруг себя.

Пожалуй всякий, даже всякий дурак посмеётся над человеком, который рубит сук, на котором сидит, но все они неспособны узнать в таком человеке себя. Это состояние невменяемости людей начинается с потребительского отношения к природе, которая в их извращённом

представлении всем и всё должна, как будто природа не прародительница, а блудница. Куда ни глянь — повсюду увидишь доказательства сказанному. Есть например такая отрасль промышленности — деревообрабатывающая, так все как один, причастные к ней, — убийцы и насильники: они не только убивают живые существа в невообразимом количестве, но и устраивают над их телами похабную оргию, называя своё надругательство над убиенными телами товарным производством. Когда рубят лес, летят щепки — не только древесные, но также погибает всё остальное лесное население, гибнет его душа. Однако лесорубам до этого нет никакого дела, для них самое главное — поставить сырьё потребителям. За деревьями они не видят леса, а дерево для них лишь строительный материал, поэтому обращаются они с ним как с неживой вещью, а это их отношение определяет характер вещей, которые они производят из дерева. В подобном обращении и отношении полностью исчезает творческий потенциал, заложенный в человеке, вместо этого он „творит“ смерть и разрушение, а плоды его труда — мертворождённые уроды. Увидеть это они не в состоянии, поскольку восприятие красоты, которая бывает только жизненная, у них разрушено болезнью, прежде известной как διάβολος, а нынче как шизофрения. Если бы они очнулись от их забвения, они бы несомненно ужаснулись делам своих рук, как ужасались апостолы Иисуса Христа своему прежнему состоянию, говоря: Ведь мы были некогда тьма, а теперь свет в Господе.

Исчезновение смысла творения и творчества у людей с деструктивным расстройством психики проявляется в их отношении к рождению и воспитанию детей, в котором отсутствует любовь. То, что они в своей слепоте принимают за любовь, в действительности ей не является,

поскольку истинная любовь начинается с любви к Богу и к Божественному порядку, а все остальные проявления любви проистекают из неё. Одна лишь любовь к детям развращает как детей, так и родителей, превращает их взаимодействие в пустую игру, лишает как тех, так и других разумных оснований для их взаимоотношений, нарушает круг обязанностей по отношению друг к другу.

В то время как например пчёлы рождаются взрослыми, взрослению человека предшествуют детство и юность, предназначение которых состоит в подготовке к самостоятельной жизни. Поскольку содержание этих лет жизни определяет всю последующую жизнь людей, а также их потомков, эти годы необходимо заполнять не бездумным времяпровождением, а существенными занятиями, развивающими человека духовно и телесно. К совершеннолетию человек должен приобретать способность перехода от попечения его земными родителями к служению Родителю небесному, а прообразом этой высокой любви должна быть любовь к нему его земных родителей. Именно от них, от данного ими примера, зависит способность приобретения любви к Богу у каждого человека. Однако устоявшаяся система образования и воспитания далеко отстоит от этого идеала, подавая самые дурные примеры детям и подросткам. Мало того, что с ними обращаются как с неживыми вещами по образу и подобию как это делают с древесиной в деревообрабатывающем производстве, так ещё их отёсывают как солдат Урфина Джюса из известной сказки об Изумрудном городе. Изменить давнюю традицию возможно лишь увидев в человеке самостоятельную жизнь, а не материал, с которым можно обращаться как угодно, предварительно лишив его всякой жизненности.

Сказанное о любви к Богу не следует понимать как культивирование фанатизма и ложного представления о божеском. Бог — не человек, поэтому надобно не принижать Бога до уровня человека, а возвышать человека до уровня Бога, а такое возвышение возможно лишь **совершенствованием души**, данной нам от Бога и являющейся Его образом и подобием в способности возрастать от душевного к духовному и в приобщении к Святому духу, через которого люди приобщаются к бессмертию. Этот непреходящий дар вечной жизни получают верующие в Отца, Сына, и Святого духа не по закону, а по Божьей милости, очищающей их от вздора и порока, свойственных непросвещённым умам и душам. Когда всё становится ясно, как Божий день, исчезающий и страх, омрачающий жизнь множества невежественных людей, не познавших и не способных познать истину, своим невежеством преграждающих себе путь к ней.

Как лес слагается не из брёвен, а из деревьев, так и истинная христианская церковь складывается не из камней, а из людских душ, устремлённых к Богу через посредничество Иисуса Христа, открывшего для нас путь к истине, так что сама смерть более не страшит христиан. Как сказал Апостол Павел, обращаясь к присутствующим на корабле во время шторма: Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль.

Логично, что Библейская история заканчивается видением единства Бога с человеком: „И увидел я новое небо и новую землю, потому что прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.“ Указание на то, что

„моря уже нет“ даёт основание утверждать, что в образе Нового Иерусалима, снисходящего от Бога с неба, в латентной форме присутствуют образы Эдема, Ноева ковчега, корабля Апостола Павла, беременной женщины, и прежнего Иерусалима. Подобное метасимволическое объединение нескольких ассоциаций и идей в один образ в психоанализе называется конденсацией (*Verdichtung*), а результат объединения или лучше сказать осмысления выходит за рамки породивших его прообразов. В данном случае Новый Иерусалим уподобляется кораблю, входящему в гавань — конечную цель его пути. Новый Иерусалим также Небесный, он не только корабль, но нисходя с неба на землю, он становится гаванью — Царством Божьим на Земле. Это символическое схождение обьигрывается словесно в голландском *haven* и в английском *heaven*.

Если в новом небе видеть возможность, а в новой земле — обоснование этой возможности (*grounding*), т.е. её осуществимость, то схождение Нового Иерусалима на землю представляется математической теоремой, а Новый завет — её доказательством. В конце Библейской истории жизнь торжествует над смертью, любовь над ненавистью, добро над злом — в этом смысл Евангелия, радостной вести для всех людей.

Воскресение.

Мир чрезвычайно постарел, и вместе с тем одряхлел, а одряхление — это уже отчасти омертвление и предсмертное состояние. Мертвечиной несёт от каждого правительственного и иного политического учреждения, академии наук превратились в дома престарелых и умалишённых, а врачи

сплошь и рядом ошибаются в установлении наиболее распространённого заболевания — старческого маразма. Искусство, наука, религия — всё превратилось в маску, изображающую лицо и мимику, в действительности неподвижную, а неподвижность — признак не жизни, а смерти. Если раньше мир разделялся на бедных и богатых, на правителей и подчинённых, на глупых и умных, то теперь основной раздел между людьми пролегает между живыми и умирающими. Нынешнее состояние застоя и предсмертного оцепенения, охватившее мир, объясняется неспособностью людей справиться с пандемией одряхления. Но как уже было сказано, ступор, оцепенение, окоченение — одна крайность болезненного состояния, симптомом которого является кататония, другая его крайность — осатанение, суетность, чрезмерная и неуместная активность. Однако есть одно волшебное слово, действием которого возможно преодолеть и то, и другое, и это слово — **обновление**. Одно это слово, **произнесённое вслух** и внятно, способно творить чудеса там, где утрачена всякая надежда на выздоровление и возвращение к жизненности и здоровой подвижности после обморока и потери дара речи. Так не стесняйтесь произносить это целебное слово вслед за мной каждый по одиночке и хором, пусть его произнесение станет общим **праздником обновления**. Где будят, там разбудят. Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе. Померкают временно, умирают в пустых и выветрившихся толпах, но воскресают с новой силой в избранных, затем, чтобы в сильнейшем свете от них разлиться по всему миру. Н.В. Гоголь. Светлое Воскресенье. Выбранные места из переписки с друзьями, 1846 г.

Начать всё с конца.

Известен рассказ Плутарха о том, как в I в. н.э. кормщик корабля, плившего из Греции в Италию, внезапно услышал чей-то голос: «Умер Великий Пан!» По приказу императора это событие было обнародовано и породило разнообразные толки. Согласно толкованию христианских богословов, смерть Великого Пана знаменовала конец язычества и начало христианства.

Но у этой легенды, помимо уже высказанной интерпретации о воцарении христианства на месте язычества, имеется ещё другой смысл: взросление человеческого духа, переход из детскости, из мира сказок, игр и игрушек, в совершеннолетие, когда с ними расстаются и реальность становится неизбежностью. Однако с тех пор повзрослели немногие, остальные всё ещё пребывают в детском состоянии, тешутся иконками и фантазиями, врут, бывают неоправданно жестоки и ведут себя во всех отношениях так, как это свойственно детям, не умудрённым жизненным опытом и ещё не знающим разницы между добром и злом.

Когда умственное и нравственное падение людей доходило до некоторых пределов, просветители клеймили их вздор и вздорность, а вслед за ними политические деятели изгоняли дурь из их голов посредством реформ. В русской истории имеется яркий образ царя-плотника, бывшего таким реформатором. Явленный им пример породил много кривотолков относительно его личности и его дел, но главное в нём как его доброжелатели, так и противники, упускают из рассмотрения. Пётр I, как именовал себя император, строил не 3-й Рим, а Новый Иерусалим на

новой земле, каковой и была Русь, и начал он это строительство с себя, с собственного просвещения и обновления, чтобы затем требовать того же от других. Конечно, идеал сильно отстоял от действительности, и Пётр Алексеевич подобно Ноздрёву и будучи истинно русским человеком хватил через меру, усердствуя в претворении своих замыслов, но благодаря ему Русь всё же окончательно преодолела негативные последствия монголо-татарского ига, и, поднявшись на новый уровень культурного и естественно технического развития, приблизилась к Царству небесному на Русской земле. Нельзя забывать об этой цели развития людей и обществ, сообщавшей им целеустремлённость, и когда об этом забывали, это забвение имело свои последствия. Забыли об этом в 1917-м году, безбожно свергнув саму идею, о которой непрерывно думали многие просвещённые русские люди. „Удивительное понимание жизни, принесённое на землю создателем христианства; дух самоотвержения; отвращение от разделения; страстное влечение к единству: вот что сохраняет христиан чистыми при любых обстоятельствах. Так сохраняется раскрытая свыше идея, а через неё совершается великое действие слияния душ и различных нравственных сил мира в одну душу, в единую силу. ... Вся работа сознательных поколений предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предел и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великий апокалипсический синтез“, — обращался к своему народу П.Я.Чаадаев (Философские письма, Письмо восьмое, 1830 год). Странность его обращения состояла в его языке, и в его приверженности некоторым заблуждениям того времени. Хотя любая человеческая мысль несовершенна по сравнению с Божественным разумом и замыслом, однако в рассуждениях Петра Чаадаева содержится

необходимая доля истины, которая так уязвила власть предрержащих. Ведь кто же из них желал бы осуществления Царства Божия на земле, которое с неизбежностью отменяет их царства? Это противоборство человека и Бога продолжилось после 1917-го года, за что новые правители подверглись ожесточённой критике, которая сначала смягчила их политический режим, а затем привела к его падению. Однако к тому времени идея, о которой сказано выше, настолько выветрилась из умов людей, что их освобождение от прежнего заблуждения не увенчалось свободой, о которой идёт речь в Новом завете. Причина этого состояла в незнании и в нежелании знать непревзойдённый в человеческой истории источник истины.

Как верно и не без иронии заметил Андрей Синявский, „Русский народ не любил отвлечённых рассуждений на богословские темы, а просто — верил, не рассуждая и не вдаваясь в глубину религиозных предписаний. Эта простота и непосредственность веры таила свои опасности — например, извращения христианской веры на языческий лад. Но в этом же заключалась определённая сила и красота народной веры. Потому и возможны были столь прямые и быстрые контакты с небесными силами.“ (Иван-дурак: очерки русской народной веры, 1991). Из чего можно сделать вывод о том, что никакого христианства на Руси как не было, так и нет, а так называемое крещение Руси было калькой — перенесением Византийской обрядности на русскую почву, что однако ещё не гарантировало сошествия Святого духа на русские головы, потому что оно требует не только и не столько обряда, т.е. формы, но ещё и осмысленного восприятия и принятия его содержания.

Однако не только незнание, но также догматическое знание может быть причиной непонимания, на что обращал внимание П.Я.Чаадаев: „Между предметами, которые способствуют сохранению истины на земле, одним из наиболее существенных является, без сомнения, священная книга Нового Завета. К книге, содержащей подлинный акт установления нового порядка на земле, естественно относятся с особым непререкаемым уважением. Слово писаное не улетучивается, как слово произнесённое. Оно кладёт свою печать на разум. Оно его сурово подчиняет себе своею нерушимостью и длительным признанием святости. Но вместе с тем, кодифицируя дух, слово лишает его подвижности, оно гнетёт его, втесняя его в узкие рамки писания, и всячески его сковывает.“

Ему вторит Андрей Синявский: „Легче весь мир вообразить иносказанием, нежели эту книгу. ... По-видимому, близкий момент в постижении истины подразумевали мудрецы, говоря, что знание, опыт, память, авторитет, тренировка, традиция и даже само желание постичь реальность становятся неодолимым препятствием на пути и сдвигают нас в сторону ложного самогипноза, что будто мы близимся к истине, и только всё отбросив и погасив, и ни на что не надеясь, можно ещё надеяться, что эта дверца вдруг сама собой приоткрывается.“

Одеждой люди пытаются скрыть от себя и друг от друга свою телесность, напоминающую им об их животном происхождении. Но одеваясь, они как бы скрываются за листвой деревьев и трав, бывших их первоначальным одеянием. Той же цели служит всякое искусство: „Искусство — не изображение, а преображение жизни.“ Если жизнь человека сводится лишь к следованию животным инстинктам и к удовлетворению телесных

нужд, то человек нисколько не отличается от животных. Отличие же его от всех прочих живых существ состоит в способности осознания своего существования и своего существа как человека — образа и подобия Бога, в открытии в себе Его царства. „Без царя в голове“ — говорят о простаках, не умеющих постичь эту мудрость. То, что все прочие существа не замечают, открыто человеческому взору и пониманию, а средством этого открытия является язык, человеческая речь. Существует только рассказанное, осмысленное, пойманное в нейронную сеть как птица.

Всё, что не рассказано, не существует. Но также верно и то, что не всё рассказанное существует, в чём мы убеждаемся всякий раз, когда пытаемся отличить сказку от действительности. Ведь всякая действительность даётся нам в ощущении, а её смысл и истинность постигается и открывается нам в рассказе, основанном на этом ощущении. Поэтому описание ощущений является целью и содержанием языка, предназначение которого — взаимопонимание, достигаемое пониманием человеческой чувственности вообще и чувств всякого другого человека, с которым мы вступаем в общение, в частности. Лишь через общение, через установление общности возможно общество.

„Надзиратель — зекам: - Наша собака в жизни того не сделает, если ваша не скажет.“

Речь — это подражание слышанной речи, как эхо — отзвук звука, как наши впечатления — отпечатки внешнего воздействия, по которым мы судим об окружающем нас мире. Поэтому искусство, взятое в широком

смысле и в противопоставлении к естеству, является приближением и отображением действительности, реальности. Именно поэтому нужны картинные рамы: они выделяют искусство из действительности.

Безрамное восприятие искусства чревато смешением искусства и жизни, что недопустимо ввиду ситуации, в которой находится человек (подробнее об этой ситуации в книге: Наука, 21-й век). Понимание того, что всякое человеческое знание является нам как эхо, как отзвук и отсвет реальности и действительности необходимо для такого различения. Об этом же пишет Андрей Синявский в „Голосе из хора“: „Здесь мы понимаем, что всё мировое искусство движимо скрытой в нас, неутолимой жаждой чудесного. Здесь выясняется, что поэт, даже в новом, современном значении слова, это неудавшийся колдун-чудотворец, заменивший метаморфозу метафорой, дело — игрою слов.“ Но что же это за игра? В ней воспроизводятся реальности жизни: „Искусство, кажется, только тем и занято, что перерабатывает материю в дух и обратно, по методу растений, которые, дыша и питаясь, создают нам атмосферу и почву и перетаскивают грузы снизу — вверх, сверху — вниз, взяв эту работу в образ существования.“

Подводя итог работе человеческого ума, совершённой в глубинах предшествующих веков, необходимо сделать вывод, но какой? „Неужели же нет никакого мерил истины и мы будим людей только для того, чтобы им сказать пустяки?“ (А. Герцен) О том же Н.В. Гоголь: „Я это говорю, потому, что так чувствую и считаю долгом сказать вам всё, что чувствую. В минуту прощания, которая всё-таки торжественна, может быть,

увидимся, может быть, и не увидимся, не следует говорить пустых вещей.“

Однако же из чего слагается истина, если не из пустяков — пустых вещей?

В „Прогулках с Пушкиным“ Андрей Синявский открывает нам эту истину: „Пустота — содержимое Пушкина. Без неё он был бы не полон, его бы не было, как не бывает огня без воздуха, вдоха без выдоха. Ею прежде всего обеспечивалась восприимчивость поэта, подчинявшаяся обаянию любого каприза и колорита поглощаемой торопливо картины, что поздравительной открыткой влетает в глянце: натурально! точь-в-точь какие видим в жизни! Вспомним Гоголя, беспокойно, кошмарно занятого собою, рисовавшего всё в превратном свете своего кривого носа. Пушкину не было о чём беспокоиться, Пушкин был достаточно пуст, чтобы видеть вещи как есть, не навязывая себя в произвольные фантазёры, но полнясь ими до краёв и реагируя почти механически, «ревёт ли зверь в лесу глухом, трубит ли рог, гремит ли гром, поёт ли дева за холмом», — благосклонно и равнодушно. Любя всех, он никого не любил, и «никого» давало свободу кивать налево и направо — что ни кивок, то клятва в верности, упоительное свидание. ...

Писарев, заодно с Энгельгардтом ужаснувшийся вопиющей пушкинской бессодержательности, голизне, пустоутробию, мотивировал своё по-детски непосредственное ощущение с помощью притянутых за уши учебников химии, физиологии и других полезных наук. Но, сдаётся, основная причина дикой писаревской неприязни коренилась в иррациональном испуге, который порою внушает Пушкин, как ни один

поэт колеблющийся в читательском восприятии — от гиганта первой марки до полного ничтожества. ...

Действительность измерялась списками воспетых вещей. Начиналась колонизация стран средствами словесности, и та как с цепи сорвалась, внезапно загоревшись надеждами в изображении всего, что ни есть. Зачем это было нужно, толком никто не знал, и меньше других — Пушкин, лучше прочих почувывший потребность в перекладывании окружающей жизни в стихи. Он поступал так же, как дикий тунгус, не задумываясь певший про встречное дерево: «а вон стоит дерево!» или зайца: «а вон бежит заяц!» и так далее, про всякую всячину, попадавшуюся на глаза, сличая мимоидущий пейзаж с протяженностью песни. В его текстах живёт первобытная радость простого названия вещи, обращаемой в поэзию одним только магическим окликом. Не потому ли многие строфы у него смахивают на каталог — по самым популярным тогда отраслям и статьям? Предполагалось, что модное слово, узнаваемое в стихе, вызовет удивление: подлинник!“

Короче говоря: Мели Емеля — твоя неделя. То же самое у Гоголя: Обращая внимание на пустяки жизни, он её открывает для читателя в полноте, свойственной всему мирозданию.

Андрей Синявский „В тени Гоголя“ разъясняет то ли для самого себя, то ли для нас, его читателей: „Есть что-то одержимое в том кропотливом, муравьином терпении, с каким перебирает Гоголь и разнообразно транспонирует эту ветошь и брренность, не считаясь с реальностью человеческого глаза и разума, которые отказываются фиксировать столь мельчайшие и множественные подробности. Это переход на какое-то

молекулярное строение мира и языка, отвечающее в то же время гоголевским монументальным заданиям.

В итоге подобного погружения в мельчайшую пыль жизни вещи ведут двойную игру и контрастно совмещают понятия мизерного и громадного, тривиального и эксцентрического. Проходя между ними и всматриваясь в этот странный паноптикум элементарного бытия, невольно ждёшь чего-то и напряженно вопрошаешь о смысле существования в самом первичном значении этого слова материальной данности мира, его физического присутствия, глубокомысленно молчаливого под испытующим взором художника, вперившимся в низкопробную корку материи, как в некую тюремную стену. «Сезам, откройся!» Но отворяются только двери, щели, прорехи, ведущие к новым поверхностям и прорехам; раздробленная масса растёт и не трогается; напряжённое безмолвие мёртвого моря вещей ничем не нарушено; переползая с предмета на предмет, постепенно обвыкаешь, приноравливаешься к ландшафту, смутно догадываясь, что так, вероятно, и надо и этот дом предназначен для обживания и имеет порядок и стиль, несмотря на дикую, с первого шага, неразбериху, что рухлядь собрана архитектурно, продуманно, и в её пространственном контексте, чтобы не заблудиться, следует передохнуть, осмотреться, а можно осесть здесь навек, расплодиться, обстроиться, развести огород, написать роман ни о чём, о прозе, предоставленной нам в заселение и прохождение жизни без какой-либо мысли и цели, разве только с тем, чтобы кто-то, настойчивый, упершись в стену материи, долбил и добивался ответа на безответный вопрос: зачем этот стул, и к чему эта пыль, эта речь или ветошь?..

В «Сорочинской ярмарке», едва его первый писательский «воз с знакомыми нам пассажирами» въехал на мост и «река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними», читаем: «Небо, зелёные и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы — всё опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую прекрасную бездну».

Таков юмор Гоголя — любовь в нём вторит смеху и опрокинутая действительность кажется небом, в котором всё, стоя на голове, настраивает на возвышенный лад, смешит и восхищает, запечатлённое в странном ракурсе и мигом перешедшее в образ оформленного уже совершенства. Но не таков ли в принципе и всякий образ искусства, всегда опрокинутый, перевёрнутый по сравнению с жизнью и поэтому сияющий в нашем сознании как зримый, реальный сюжет полноценного существования, который одновременно возвышает природу до неба и углубляет до дна ада, струясь голубую кровью в подводном сумраке света, как тот свет существ и вещей, во всём подобный нашему и вместе с тем совсем иной, непохожий, тот и вместе не тот, как смех, исторгающий образ из тьмы небытия, сообщающий ему душу и тело путём перевернутой, мгновенно явленной формы?.. Только у Гоголя этот иероглиф искусства написался яснее, размашистее и стал производственной маркой гоголевских изделий, которой он метит натуру где надо и где не требуется, вводя перевертни и оборотней куда попало, в открытую, с азартом, с наслаждением, не думая о последствиях и алча новых чудес. Гоголь переворачивает мир уже просто для того, чтобы его лучше увидеть и схватить с интенсивностью светового пучка, населяющего пустыню в мановение ока сонмом невесть откуда понабежавших созданий.

«Комната, в которую вступил Иван Иванович, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты, и солнечный луч, проходя в дыру, сделанную в ставне, принял радужный цвет и, ударяясь в противостоящую стену, рисовал на ней пёстрый ландшафт из очеретяных крыш, деревьев и развешанного на дворе платья, всё только в обращённом виде. От этого всей комнате сообщался какой-то чудный полусвет».

Это сказано походя, между делом, безо всякой причинной связи с ссорой Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Просто Гоголь, идучи по объявленному адресу, не мог не воспользоваться моментом и не перетряхнуть в затемнённой комнате свой короб, чтобы лишний раз учинить всеобщий переворот.“

Хотя оба, Пушкин и Гоголь, говорили как будто об одном и том же, у них имелось существенное расхождение в понимании истории: Если первый не хотел другой истории (о чём он в частности пишет П. Я. Чаадаеву 19 октября 1836 года), то другой её хотел и рад был бы вычеркнуть неудавшуюся историю из летописи человеческой памяти. Это умонастроение проявлялось в их творчестве. В то время как Пушкин был хронистом в стиле Н.М. Карамзина, перенося всё им узнанное и придуманное на бумагу и преобразуя прозу жизни в поэзию, Гоголь мыслил панорамно как бы глядя сверху на грешную землю.

„Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых ещё продолжает ветрено лепетать молодое, не давшее себе отчета, нынешнее поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству, — как ни прекрасно это служение, — не уразумев его цели высшей и не определив себе, зачем дано нам искусство; нельзя повторять Пушкина. Нет, не Пушкин и никто

другой должен стать теперь в образец нам: другие уже времена пришли. Теперь уже ничем не возьмёшь — ни своеобразьем ума своего, ни партийной личностью характера, ни гордостью движений своих, — христианским, высшим воспитаньем должен воспитаться теперь поэт. Другие дела наступают для поэзии. Как во время младенчества народов служила она к тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая в них браннолюбивый дух, так придётся ей теперь вызывать на другую, высшую битву человека — на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за нашу душу, которую Сам небесный Творец наш считает перлом Своих созданий. Много предстоит теперь для поэзии — возвращать в общество то, что есть истинно прекрасное и что изгнано из него нынешней бессмысленной жизнью. ...

Наконец, сам необыкновенный язык наш есть ещё тайна. В нём все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твёрдых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны — выбирая на выбор меткие названья из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность, таким образом, в одной и той же речи восходить до высоты, не доступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, осязаемой непонятливейшего человека, — язык, который сам по себе уже поэт и который недаром был на время позабыт нашим лучшим обществом: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземных наречьях всю дрянь, какая ни пристала к нам вместе с чужеземным образованием, чтобы все те неясные звуки, неточные названья вещей — дети мыслей невыяснившихся и сбивчивых, которые потемняют языки, — не посмели бы помрачить младенческой ясности

нашего языка и возвратились бы мы к нему уже готовые мыслить и жить своим умом, а не чужеземным.“

Какой же вывод следует из всего сказанного? Александр Бокшицкий, предваряя статью Андрея Синявского „Солженицын как устроитель нового единомыслия“, так отвечает на этот вопрос: „В наше время всё нужно делать неправильно ... Правильное всегда сменяется ещё более правильным, и это будет повторяться бесконечно, пока мы не осознаем нашу стратегическую ошибку. Во всяком случае стоит попробовать. Да и что мы теряем в конце концов?“